

В память о моей матери

Предисловие

Как одна из наиболее разделенных стран Африки, Южный Судан являет собой пример надежды и беспрецедентной неопределенности. Я заинтересовался его политикой в 2011 году, вскоре после ее обретения независимости от Судана. Тогда я еще разделял надежды и разочарования многих международных чиновников, связанные с уровнем развития этой страны и с крайней бедностью ее населения.

Впервые я приехал в Южный Судан летом 2013 года, через неделю после того, как президент Салва Киир уволил нескольких членов кабинета министров и вице-президента Риека Мачара. К тому времени Киир боролся с дестабилизирующими последствиями собственных жестких экономических мер, проистекавших от его катастрофического решения приостановить добычу нефти. Я читал о коррупции в этой стране, но лишь после первого интервью с министром нефтяной промышленности в отеле *Rainbow* получил представление о ней из первоисточника. Я спросил министра о доходах от продажи нефти и о том, были ли они использованы для дорожного строительства (в то время на всю страну приходилось только 60 дорог с твердым покрытием). Он выдержал паузу, потом улыбнулся, резким движением встал со стула и ушел, даже не попрощавшись. Тогда я смекнул, что здесь что-то не в порядке.

К середине 2013 года, по результатам независимого расследования «Скандала с дуррой»¹, информация об истинном размахе

¹ «Скандал с дурра» связан с неосуществленными поставками злаковых культур (*дурра* — другое название сорго) на миллионы долларов по контрактам с подставными фирмами. — *Прим. пер.*

коррупции стала достоянием общественности. Но вспышка гражданской войны в декабре 2013 года отвлекла внимание людей от денежных махинаций правительства, хотя сообщения о kleptocracii и массовом нарушении прав человека продолжали поступать. Эти сообщения, впрочем, не поколебали сосредоточенность моего исследования на суверенитете страны и на ее проблемных отношениях с Суданом. Однако и в ходе затяжных военных действий было невозможно игнорировать растущие проблемы страны, с ее коррупцией, кумовством, кровавыми преступлениями и фракционной раздробленностью. Становилось ясно, что, несмотря на вину Судана, вмешавшегося во внутренние дела соседа, он более не был главным источником нестабильности и неопределенности. Скорее, проблема заключалась в поведении правящей элиты Южного Судана.

Я вернулся в Джубу в декабре 2015 года, через четыре месяца после подписания соглашения о разрешении конфликта в Южном Судане (ARCSS). Мирное соглашение возродило надежды на мир и демократию. Я наблюдал по местному телевидению, как Киир и делегация вооруженного крыла SPLM/A-IO (Оппозиционного суданского народно-освободительного движения) встретились в Джубе для обсуждения имплементации ARCSS, особенно создания объединенных сил безопасности. Киир недавно издал президентский указ, увеличивший количество штатов с 10 до 28. Для оппозиции это было не чем иным, как захватом территорий народом динка и примером радикальности избирательных округов. Однако казалось, что обе стороны были больше настроены покрасоваться перед камерами, чем достичь конкретных результатов. По меньшей мере они выглядели жесткими и не готовыми искренне согласиться с условиями ARCSS.

Но ничто не могло подготовить меня к возобновлению боевых действий в августе 2016 года, когда я вернулся в Джубу с намерением продолжить исследовательскую работу. Киир незадолго до того изгнал своего бывшего вице-президента Мачара (при этом едва не убив его) ради возобновления гражданской войны. В декабре 2015 года я принял участие в двух полевых инспекциях и взял многочисленные интервью, но вновь вспыхнувшая война

принуждала чиновников к покорности и молчанию. Никто больше не хотел разговаривать со мной, поэтому я покинул страну, практически ничего не добившись. Это был досадный итог, но он углубил мой интерес к фракционной раздробленности Южного Судана, системе местного покровительства и страданиям народа, который понимал, что его страна захвачена коррумпированными лидерами. Теперь гражданская война привела к травматизации всей страны, а правительство, ослабившее оппозицию (SPLM-IO), выглядело еще более решительно настроенным на использование власти для угнетения народа, как если бы это могло привести к завершению войны.

После жестокостей, увиденных собственными глазами, я стал относиться к гражданской войне как к усложненному варианту продолжения войны между Северным и Южным Суданом. Да, там случались кратковременные мирные передышки, но они не могли скрывать пагубную и глубоко укоренившуюся реальность: постоянное воздействие состояния войны на правящую элиту. Моя должность эксперта в группе оценки демократии, прав человека и государственного управления при Агентстве США по международному развитию (USAID) позволяла мне беседовать с многочисленными чиновниками, общественными лидерами и простыми людьми в Джубе, Малакале и Ямбио. Я видел, как война уничтожила до основания целые районы в Малакале, и следы пуль на здании аэропорта. Большинство, если не все пострадавшие жители, называли лагерь беженцев ООН своим домом, и многие из них были слишком напуганы, чтобы возвращаться в собственные жилища (если от этих жилищ еще что-то осталось). Правительство страны почти ничего не сделало, чтобы помочь им. Фактически многие армейские офицеры поселились в домах, где раньше жили гражданские лица, и потом отказались уйти, несмотря на попытки местных чиновников выселить их оттуда.

Между тем в Джубе к началу 2020 года атмосфера стала напряженной. Ходили разговоры об очередном всплеске военных действий, пока стороны в условиях перемирия старались нащупать общую почву для одобрения нового переходного правитель-

ства национального единства. Киир в конечном счете вышел из патовой ситуации и поставил мирный процесс на надежные рельсы. И казалось, что на этот раз все стороны более решительно настроены наконец-то выполнить условия мирного соглашения. Но в новом переходном правительстве национального единства также присутствовало ощущение лишь сдержанного оптимизма. Ведь это была все та же правящая элита (хотя и более разнообразная), пытавшаяся обеспечить переход страны к мирному и демократическому управлению. Для многих новая договоренность о разделении власти была лишь критически необходимым условием для сохранения статус-кво, но не решением проблемы насилия. Таким образом, вставал вопрос, как усовершенствованное разделение властных полномочий сможет дать то, чего не удавалось достигнуть прежним правительствам, — национальное единство, движимое волей народа.

Мое исследование этого вопроса в целом основывалось на первичных и вторичных источниках, а также на интервью и разговорах с широкой выборкой жителей Южного Судана. Многие выражали глубокое разочарование в правительственных чиновниках из-за неспособности государства обеспечить народ элементарными средствами существования. Практически никто из моих собеседников не получал зарплату вовремя. Правительство не только допускало просрочку авансовых платежей, но и на четыре-пять месяцев задерживало зарплату рабочим. Оно, в сущности, проявляло растущее безразличие к своим гражданам. Тем не менее в Южном Судане есть люди, неустанно работающие в целях справедливости и демократии, включая старейшин, судей и активных членов гражданского общества, посвятивших себя насаждению законности, подотчетности и национальной самобытности.

Когда я беседовал с несколькими студентами университетского кампуса в Джубе, многие из них выражали желание иметь то, что они называли подлинным «общенациональным государством», не проводившим дискриминацию по племенным или этническим признакам. Для них этническая принадлежность всегда была источником гражданской и культурной гордости,

которая могла быть реализована в рамках неизменной действующей конституции.

Соответственно, когда я говорю о судьбоносной борьбе Южного Судана, то не пытаюсь нарисовать мрачную картину его будущего, но скорее обращаю внимание на высокомерное пренебрежение к людям, которые обладают потенциалом к формированию политического будущего страны.

Благодарности автора

Прежде всего я хочу выразить благодарность Деррику Хадсону, моему близкому другу и замечательному коллеге, который в 2011 году вдохновил меня на полевые исследования и углубленное изучение Южного Судана. С тех пор мы с Дерриком трижды ездили в Южный Судан, собирая данные и проводя интервью с многочисленными чиновниками. Эта работа завершилась выходом нашей совместной книги о проблемах государственного управления в Южном Судане.

В 2019 и 2020 годах я работал в должности эксперта в группе оценки демократии, прав человека и государственного управления при USAID¹. Я был членом замечательной команды, включавшей ее руководителя Тая Феррелла и специалистов по региону Лорну Мерекайе и Патрика Рийо, чье понимание культуры и политики Южного Судана оказалось бесценным. Мы посетили несколько отдаленных городов и видели разрушительные последствия гражданской войны, особенно в Малакале. Кэти Стермер и Келли Кимболл из *Tera Tech* обеспечили прекрасную техническую поддержку, а Кэл Демерью, куратор моей диссертации, оказал мне первоклассное исследовательское содействие. Есть много других людей, кому я благодарен, либо читавших мою рукопись, либо сыгравших определенную роль в ее подготовке, включая Дэвида Эйтема, Мохамеда Бэбикера, Эндрю Дормана, Фила Хинана, Деррика Хадсона, Хелену Хурд, Мэттью Лериша, Франсиско Гоме де Матоса, Мюрида Партоу, Хейди Петтерсон, Амира Хусейна Раджи, Стива Таубера, Джеймса Вана и Кристофера Замбакари.

¹ Здесь и далее по тексту упомянута запрещенная в РФ организация.

Мне пришлось преодолеть множество жизненных препятствий для завершения этой книги, поэтому я благодарен Дэйву Макбрайду, моему редактору в Oxford University Press, за снисходительность и терпение при продвижении книги от начальной фазы ее подготовки до публикации. Я также не смог бы завершить рукопись без любви и беззаветной поддержки моей жены Эрики и двух моих шаловливых, энергичных детей — Эммета и Рене. Наконец, во время работы над этой книгой скончалась моя мать. Она была необыкновенным человеком и преданной матерью для меня и моих двух братьев и сестры — Дэйва, Джастина и Кристи. Ее доброта, любовь, обходительность и душевная щедрость навсегда останутся большой частью моей жизни. С любовью я посвящаю эту книгу памяти о ней.

Список аббревиатур

ARCSS	Договор о разрешении конфликта в Южном Судане
AU	Африканский союз
AUCISS	Комиссия Африканского союза по вопросу о Южном Судане
AUHLP	Консультативный совет Африканского союза
CMC	Комитет кризисного управления
CPA	Всеобъемлющее мирное соглашение
CRA	Ведомство по компенсациям и репарациям
CTHR	Комиссия по достижению справедливости, оздоровления и примирения
DDR	разоружение, демобилизация и реинтеграция
EPRDF	Эфиопский народный революционно-демократический фронт
FDP	Федеральная демократическая партия
GERD	«Великая плотина возрождения Эфиопии» (проект)
GOS	правительство Судана
GOSS	правительство Южного Судана
GRSS	Правительство Республики Южный Судан
IDP	внутренне перемещенное лицо
HCSS	Гибридный суд Южного Судана
IGAD	Межправительственное агентство развития
IMC	Международная медицинская корпорация
IMF	Международный валютный фонд
JMEC	Совместная комиссия по оценке и мониторингу
KPA	Хартумское мирное соглашение
LGA	Закон о местном управлении
MSF	гуманитарная организация «Врачи без границ»
NAS	Фронт национального спасения

NCAC	Национальная комиссия по конституционным поправкам
NCP	Партия Национального Конгресса
NCRC	Национальная комиссия по пересмотру конституции
NDI	Институт национальной демократии
NGO	неправительственная организация
NISS	Национальная служба разведки и безопасности
NIF	Национальный исламский фронт
NMC	Национальное движение за перемены
NSS	Служба национальной безопасности
NUF	Объединенные общенациональные силы
PDM	Народно-демократическое движение
POC	гражданская защита
PRMB	билль об управлении нефтяными доходами
PSA	Соглашение о разделе продукции
R-ARCSS	Возобновленное соглашение о разрешении конфликта в Южном Судане
RJMEC	Восстановленная совместная комиссия по оценке и мониторингу
RTGoNU	Возобновленное переходное правительство национального единства
SAF	Вооруженные силы Судана
SANU	Африканский национальный союз Судана
SPDF	Суданская армия народной обороны
SSIM	Движение за независимость Южного Судана
SSDF	силы обороны Южного Судана
SPLA	Народно-освободительная армия Судана
SPLM/A	Суданское народно-освободительное движение / армия
SPLM/DC	Суданское народно-освободительное движение / демократические перемены
SPLM-IO	Суданское народно-освободительное движение в оппозиции
SPLM/N	Суданское народно-освободительное движение / Север
SRG	Южное региональное правительство
SSAF	Вооруженные силы Южного Судана
SSAR	Автономный регион Южного Судана
SSCC	Церковный совет Южного Судана

SSHRC	Комиссия по правам человека Южного Судана
SSLM	Освободительное движение Южного Судана
SSNMC	Национальное движение за перемены Южного Судана
SSOA	Оппозиционный альянс Южного Судана
TGONU	переходное правительство национального единства
TNLA	переходное Национальное законодательное собрание
UDRA	Объединенный демократический республиканский союз
UN	Организация Объединенных Наций (ООН)
UNDP	Фонд национального развития ООН
UNMIS	Миссия ООН в Судане
UNMISS	Миссия ООН в Южном Судане
USAID ¹	Агентство по международному развитию Соединенных Штатов Америки

1

¹ Организация запрещена в РФ.

Вступление

В декабре 2013 года в Южном Судане началась гражданская война, вынудившая миллионы жителей бежать из страны. Этого мало кто ожидал. Ведь Южный Судан совсем недавно, в 2011 году, провозгласил независимость от Судана, и Суданское народно-освободительное движение SPLM (SPLM) — доминирующая политическая организация страны — казалось, было готово сотрудничать с международными лидерами и донорами для развития инфраструктуры и институтов страны. Однако ряд событий, включая решение приостановить добычу и экспорт нефти и внезапное увольнение высокопоставленных чиновников летом 2013 года, сильно дестабилизировали страну. Гражданская война разрушила экономику страны и привлекла внимание мировой общественности к непрекращающемуся насилию и повсеместной коррупции.

После того как в 2018 году враждующие стороны подписали Возобновленное соглашение о разрешении конфликта в Южном Судане (R-ARCSS), появилась новая надежда на мир и демократию. Поскольку соглашение было основано на расширенной схеме распределения власти, некоторые считали, что оно в итоге положит конец циклу насилия и направит страну на путь мира и безопасности. Было ощущение, что включение большего количества соперничающих сторон наконец заставит правительство реализовать R-ARCSS. Однако годы войны сделали многих людей либо циничными, либо сдержанно оптимистичными в отношении этой схемы распределения власти. Ведь она была основана на элитарном правлении и практически исключала участие гражданского общества и обычных граждан в мирном процессе. Проще говоря, людей снова просили довериться правящей элите,

которая неоднократно не справлялась с задачей обеспечения условий мира и безопасности. Кроме того, существовали опасения, что увеличение количества сторон приведет к очередным требованиям и внутренним раздорам, которые затормозят новый мирный процесс.

К середине 2022 года стороны так и не уложились в предельные сроки принятия важнейших решений, установленные R-ARCSS, включая утверждение постоянной конституции. А в июле 2022 года Возобновленное переходное правительство национального единства (RTGoNU) объявило, что общенациональные выборы будут отложены до 2024 года. Для многих медленные темпы реализации соглашения стали доказательством того, что правящая элита никогда по-настоящему не стремилась к миру, безопасности или объединению нации (они так и не создали объединенные силы безопасности). В вопросах управления элита по-прежнему полагалась на племенную лояльность и угрозу насилия. Именно эта грубая форма правления подчеркивала широко распространенную в обществе тревогу по отношению к правящей элите — тревогу, которая стала результатом многолетней войны. Фактически Южный Судан находился в состоянии войны более 5 из 11 лет своего существования в качестве государства и 40 лет с момента обретения Суданом независимости в 1956 году. Даже в краткие периоды затишья правящая элита Южного Судана становилась все более коррумпированной и дезорганизованной. Можно сказать, что мир никогда не был временем для размышлений и настоящих реформ. Скорее, он приводил к росту напряженности, поспешным роковым решениям и слабому международному мониторингу.

Тогда было легко упустить из виду, как последствия войны проникли в общество и жизнь простых людей и правящей элиты. Война делала насилие нормой, усиливала межэтнические разногласия, внутренние конфликты и недоверие, создавая сложную головоломку, решить которую было необходимо для достижения долгосрочного мира и стабильности в Южном Судане. Важным элементом этой головоломки стало наследие восстания 1991 года внутри SPLM/A, которое раскололо народно-освободительную

армию Судана (SPLA) и положило начало войне Юга с Югом. Всеобъемлющее мирное соглашение (CPA) 2005 года, как оказалось, не смогло решить многие глубинные проблемы, вызванные этой междоусобной войной. И хотя оно, возможно, положило конец второй гражданской войне в Судане между Севером и Югом, чиновники не до конца осознали ее долгосрочные последствия, включая фракционность повстанцев, коррупцию и моральную безнаказанность в обществе.

Годы войны и внутрипартийных конфликтов создали такую модель управления, которая активно препятствовала моральному осмыслению прошлого и искренним усилиям, направленным на переход к миру и демократии. Я утверждаю, что такое осмысление необходимо для успешного перехода к демократии и долгосрочному миру. Статичное управление, как мы увидим далее, в итоге сводится к изоляции настоящего от прошлого и будущего, чтобы максимально использовать страх (и угрозы насилия или войны) для удержания власти и поддержания видимости порядка. Например, воровство национальной элиты не только нарушает существующие правовые нормы и принцип справедливости воздаяния за прошлые преступления; оно также лишает страну необходимых для стабилизации и развития государственных инвестиций. Страна, живущая изолированным от прошлого и будущего настоящим, по своей сути находится в крайне нестабильном и хрупком состоянии. Однако именно эта внутренняя нестабильность и неопределенность мотивируют лидеров, позволяя им управлять людьми с помощью грубой силы и оправдывать милитаристский подход для поддержания порядка.

В этом смысле война становится всеобъемлющим и непрерывным событием. Ощущение, что нет очевидной альтернативы жестокой, воюющей правящей элите, которая продолжает использовать свою власть для срыва мира, указывает на степень, до которой люди и воюющая элита усвоили последствия войны и насилия, начиная с гражданской войны в Южном Судане (2013–2018) и двух гражданских войн в Судане (1983–2005; 1955–1972), а также британского колониального правления

(1898–1955)². Проблема в том, что правящая элита воздвигла очень мало институциональных барьеров против последствий своих воинственных устремлений или вообще не думала об этом. Ее жестокое правление изобиловало раздорами и нерешенными обидами. Когда эти раздоры достигли кульминации в ходе драматического раскола в SPLM/A в 1991 году, — на пике второй гражданской войны в Судане — они фактически стерли грань между врагом и союзником, создав среду всеобщего недоверия и жестокости. Шестилетний переходный период между второй гражданской войной в Судане и образованием государства Южный Судан (2005–2011) мало что дал для разрешения этих напряжений и раздоров. Скорее, это было время, когда импульсивное поведение правящей элиты и коррупция в ней создали условия для очередной гражданской войны, на этот раз в новом государстве Южный Судан.

В этой книге я буду использовать метафору «состояние войны» в широком смысле, чтобы описать воинственное настроение правящей элиты как основы ее жестокого правления и беззакония. Томас Гоббс, философ XVII века, который ввел этот термин в обиход в книге «Левиафан», называл такое состояние «войной всех против всех» [Hobbes 1996]. Он не затрагивал роль культуры в создании и поддержании состояния войны; его, конечно же, больше интересовало преодоление этого состояния через общественный договор, основанный на законах природы. Однако в Южном Судане культура играет несомненную роль в формировании необузданного поведения правящей элиты. В частности, пагубные обычаи, такие как детские браки и принудительная вербовка детей в вооруженные силы, укрепляют мужской патриархат, где мужчины склонны видеть себя защитниками и собственниками женщин (то есть относятся к женщинам как к имуществу). По мнению феминистки Сьюзен Фалуди, маскулинность и мужское доминирование уходят корнями в архаичный миф о защите женщин, заставляя мужчин фантазировать о роли племенных героев. Некоторые из таких мужчин-бойцов,

² См., к примеру, [De Waal 2014a; Rolandsen 2011b; Mamdani 2020].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru